

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ДЕПАРТАМЕНТ ИНФОРМАЦИИ И ПЕЧАТИ**

119200, Москва Г-200, Смоленская Сенная пл., 32/34 тел.:(095) 244-4119, факс:244-4112
e-mail: dip@mid.ru, web-address: www.mid.ru

**Стенограмма интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова
арабским СМИ, Москва, 15 марта 2006 года**

424-21-03-2006

Вопрос: Мой вопрос касается визита делегации ХАМАС в Москву. Сначала было громкое приглашение В.В.Путина, затем Ваша встреча с делегацией и, наконец, вчерашнее событие в Иерихоне. Повлияет ли оно на ваши дипломатические усилия по урегулированию ближневосточного кризиса?

С.В. Лавров: Что касается визита ХАМАС в Москву, то, считаю, что этот первый контакт был полезным. После того, как ХАМАС на легитимных, демократических, свободных и честных выборах одержал победу и получил большинство в Палестинском законодательном совете, не было никаких оснований для того, чтобы не налаживать контакты с этой организацией, которая должна осознать свою ответственность за судьбу палестинского народа. Тем более, что за всю предыдущую деятельность, помимо вооруженной борьбы – формы, которую мы не одобряем, также как не одобряем насилие с другой стороны, ХАМАС очень много делает для решения социально-экономических проблем на палестинских территориях. Во многом это нашло отражение в голосовании избирателей, которые ценят такую роль ХАМАС.

Сразу скажу, что Х.Машааль, возглавлявший делегацию ХАМАС, четко подтвердил, что главными задачами правительства, которое будет сформировано по итогам выборов в ПНА, станут решение социально-экономических проблем, мобилизация помощи палестинцам, обеспечение нормального функционирования всех систем жизнеобеспечения в районах ПНА. Он также заявил, что вся помощь, поступающая в Палестину, либо по каналам ПНА, либо по каналам ХАМАС, будет использоваться именно на эти цели. Отвечая на мой прямой вопрос, Х.Машааль выразил согласие с тем, чтобы был создан механизм независимого международного мониторинга, который бы гарантировал, что вся внешняя помощь расходуется на гражданские нужды, на нужды населения Палестины, на нужды структур, обеспечивающих жизнь палестинцев, и не переправляется на другие, немирные нужды. Считаю это важным заявлением. Сейчас в контактах со Всемирным Банком, с офисом Дж.Вулфенсона, с Ближневосточным агентством для помощи палестинским беженцам и организации помощи стараемся разработать такой механизм, который успокоил бы доноров, поскольку донорское сообщество, особенно в Европе, заинтересовано, чтобы помощь Палестине продолжалась, причем не только в гуманитарном виде, но и в виде поддержания палестинских административных структур, от которых зависит жизнеобеспечение палестинских территорий.

Мы также поставили перед делегацией ХАМАС весь комплекс вопросов, затронутых в известном заявлении “квартета”, подчеркнули необходимость решения этих вопросов, необходимость того, чтобы ХАМАС стал по-настоящему политической силой, легитимизировал свои вооруженные отряды, инкорпорировав структуры безопасности ПНА в качестве неотъемлемой части. Мы подчеркнули, конечно же, позицию “квартета” о необходимости признать все имеющиеся палестино-израильские договоренности и обеспечить преемственность переговорного процесса по урегулированию между палестинцами и Израилем, что, как вы сами понимаете, предполагает необходимость признания Израиля и как переговорной стороны, и как государства, которое по завершению мирного процесса, согласно “дорожной карте”, должно жить бок о бок с государством Палестина в мире и безопасности. Делегация ХАМАС обсуждала с нами вопросы, которые я только что изложил, вопросы, которые были поставлены “квартетом”. Мы не ожидали, что позиция ХАМАС претерпит радикального изменения на 180 градусов за один момент, но я хотел бы констатировать весьма важные подвижки, которые говорят об ответственности ХАМАС в его новом качестве. Прежде всего, это готовность рассматривать вопросы, касающиеся “дорожной карты”. При этом наши собеседники совершенно справедливо подчеркнули, что если и рассматривать эту тему, то лишь в том виде, в каком “дорожная карта” была одобрена “квартетом”. Они напомнили, что со стороны Израиля было сделано, по-моему, 14 оговорок по “дорожной карте”. Оговорки рассматриваются палестинцами, как предвосхищающие итоги переговоров об окончательном статусе палестинских территорий – прежде всего, границам, беженцам, статусу Иерусалима, поселений. На что мы напомнили нашим собеседникам о резолюции 1515 СБ ООН, в которой “дорожная карта” была одобрена без каких-либо изъятий, добавлений и именно в том виде, в котором ее согласовал “квартет”. Так что рассчитываю, что в руководстве ХАМАС всерьез изучают необходимость выразить свое отношение к “дорожной карте”.

Мы также рассчитываем, что ХАМАС сможет присоединиться к известной общеарабской мирной инициативе, которая была сформулирована руководством Саудовской Аравии, а потом поддержана на саммите ЛАГ в Бейруте. Как я понимаю, в ближайшие дни в Хартуме состоится очередной саммит Лиги. Рассчитываем, что делегация ХАМАС будет частью делегации Палестины. Это было бы крайне важно для того, чтобы обеспечить с самых первых дней взаимодействие нового правительства с президентом Абу Мазеном. В этой связи замечу, что в Москве делегация ХАМАС заявила, что уважает Абу Мазена как президента, намерена развивать с ним сотрудничество, признает его полномочия, в том числе полномочия в международных делах. Рассчитываем, что сотрудничество между Абу Мазеном и ХАМАС будет налажено. В частности, мы желаем нашим палестинским друзьям успехов в скорейшем формировании правительства и завершении согласования его программы.

Что касается наших дальнейших шагов, то мы исходим из того, что переговоры в Москве не были одноразовой акцией. Мы достигли определенного понимания и хотим, чтобы оно воплощалось в жизнь. Со своей стороны мы готовы оказывать поддержку палестинцам на этом трудном этапе. Мы планируем предоставить финансовую помощь палестинцам. Сейчас мы согласовываем те модальности, в которых эта помощь может быть предоставлена. Убеждены также, что “квартет” на данном этапе не должен брать никаких пауз, а должен сформулировать стратегию

своих дальнейших действий в новых условиях с тем, чтобы выйти на выполнение “дорожной карты”. Это наша главная забота, и мы в контактах со всеми членами “квартета”, которые у меня были в последнюю неделю, говорили об этом и рассчитываем, что где-то в обозримые несколько недель мы сможем такую работу начать.

По вашему конкретному вопросу о событиях, которые вчера произошли в Иерихоне. Мы озабочены тем, что случилось и как это произошло. Сейчас каждая из сторон излагает свои версии произошедшего. Генеральный секретарь ООН через своего заместителя И.Гамбари вчера пробрифинговал СБ ООН. Этот брифинг нам представляется объективным. По крайней мере, при подготовке брифингов Секретариата ООН обычно стараются не пользоваться непроверенными фактами.

Мы убеждены, что подобного рода инциденты должны быть исключены. В разгар этих событий мы через наших представителей в регионе посылали сигналы сторонам, в том числе руководству ХАМАС, с призывом к максимальной сдержанности. В конкретном плане настоятельно рекомендовали освободить заложников и не поддаваться на провокации. Насколько я понимаю, практически все заложники освобождены, и этот вопрос закрыт.

Я знаю, что Абу Мазен вернулся в Рамаллу. Это тоже важно. Его личное участие в урегулировании этой ситуации будет иметь важное значение. Не все обстоятельства произошедшего нам до конца ясны. Мы рассчитываем, что они будут установлены и что независимо от этого и израильтяне, и палестинцы, и международные наблюдатели, которые были вовлечены в этот процесс, будут проявлять максимальную ответственность и не будут пытаться создавать какие-то сложности для дальнейших усилий по поиску образа действий в новой, изменившейся, весьма непростой ситуации. У каждой из сторон есть, наверное, искушение в политических целях использовать тот или иной эпизод. Это крайне опасная игра. Мы такие вещи не поддерживаем.

Вопрос: Как вы оцениваете итоги переговоров с иранцами в Москве и Тегеране? В какой стадии находится проект создания СП по обогащению урана на российской территории? Как Вы могли бы ответить на мнения, что сейчас США пытаются устранить Россию и “тройку” и начать прямые переговоры с иранцами по этому вопросу?

С.В. Лавров: Переговоры, которые проходили на протяжении последних недель достаточно регулярно в Москве и Тегеране между российской и иранской сторонами, к сожалению, не дали того результата, на который мы рассчитывали. Наше предложение создать на территории России СП с иранским участием, которое гарантированно обеспечивало бы все потребности Ирана в топливе для мирной ядерной энергетики, было сделано в стремлении согласовать компромиссный пакет, который обеспечивал бы урегулирование данной проблемы. Оно было сделано в контексте других составных частей общего пакета, включая необходимость для Ирана вернуться в мораторий на деятельность, связанную с обогащением урана, возвращение Ирана в режим соблюдения дополнительного протокола, впоследствии ратификацию Ираном этого подписанного им ранее протокола и, конечно же, необходимость продолжения работы инспекторов МАГАТЭ по прояснению тех вопросов, которые

пока еще не прояснены и которые относятся к прошлой деятельности Ирана по ядерным делам, которая была в общем-то закрытой для мирового сообщества, хотя о ней необходимо было докладывать в МАГАТЭ. Именно из-за этой прошлой деятельности возникло то недоверие у многих членов МАГАТЭ, которое не позволило просто продолжать работу с Ираном в МАГАТЭ в обычном режиме. Этот длительный восемнадцатилетний период, когда Иран не докладывал в МАГАТЭ о своей ядерной программе, породил много вопросов. Целый ряд из них МАГАТЭ уже прояснило, но ряд вопросов еще остается. Для того, чтобы восстановить доверие, эти вопросы необходимо урегулировать. После того, как они будут прояснены и доверие восстановится, мы не видим никаких препятствий к тому, чтобы Иран продолжал в полной мере пользоваться своими правами как член ДНЯО. Такова была наша схема, которую разделяли европейские страны, которая была поддержана Китаем, с которой согласились США. Но наши иранские коллеги, как вы знаете, в отличие от тех заверений, которые они делали, в том числе в декабре прошлого года, возобновили частично деятельность по обогащению в виде исследований. Это было, конечно, шагом, выходящим за параметры моратория в нашем понимании. Мы пытались в ходе последующих переговоров договориться с иранцами о том, чтобы вернуть статус-кво. Этого не произошло. В соответствии с имевшимися договоренностями иранский вопрос дважды обсуждался в феврале и марте в Совете управляющих МАГАТЭ и в соответствии с договоренностями о результатах этого обсуждения был информирован СБ ООН. Мы выступаем за то, чтобы СБ ООН помогал МАГАТЭ восстановить нормальный процесс с Ираном по выполнению тех решений, которые в Совете управляющих МАГАТЭ были приняты. Без МАГАТЭ дальнейшая работа по Ирану уже не будет продуктивной и не сможет быть ориентированной на решение главной задачи, а таковой в иранском ядерном вопросе мы считаем недопустимость нарушения режима нераспространения ядерного оружия. Поэтому СБ ООН, который является политическим органом, должен действовать предельно осторожно и не позволять усилиям, направленным на укрепление и ненарушение режима нераспространения, использоваться в каких-то политических целях. СБ ООН должен ответственно подойти к своему мандату. Он, мы убеждены, на данном этапе должен ограничиться поддержкой усилий МАГАТЭ и призывами к Ирану в полной мере откликнуться на эти усилия Агентства, должен сотрудничать с Агентством по прояснению остающихся вопросов. Самое главное, мы считаем необходимым выработать четкую линию действий, потому что если какой-то вопрос, не обязательно иранский, вбрасывается в СБ ООН без подкрепляющей его стратегии действий, это не всегда приводит к желаемым результатам, тем более, что Совет Безопасности – такая машина, которую, раз запустив, очень трудно остановить. Не имея предварительного согласия о том, куда эта машина может нас всех привезти, нам не хотелось бы вовлекаться в субстантивное обсуждение иранского досье в СБ ООН. Поддержать МАГАТЭ – да, наверное, это нужно сделать. Но субстантивный процесс по иранскому ядерному досье профессионально может осуществлять только МАГАТЭ.

Что касается третьего вопроса, то есть много ситуаций, когда существуют многосторонние форматы общения с той или иной стороной. Есть и Контактная группа по бывшей Югославии, есть и “квартет” международных посредников, есть и спонтанно сложившийся формат по Ирану: “евротройка”, Россия, Китай, США. Но наличие всех этих форматов отнюдь не означает, что каждый из участников не должен иметь двусторонних контактов с соответствующей стороной. Именно в таком ключе

мы действовали, когда мы говорили с ХАМАС. Мы говорили на основе согласованных позиций “квартета”. Именно в таком формате мы работаем со сторонами в бывшей Югославии, когда мы продвигаем согласованные позиции Контактной группы. Именно в таком ключе Россия работала с Ираном, когда мы добивались согласия Ирана на совместное предложение “шестерки”. Если европейцы, китайцы или американцы будут проводить такую же линию, я в этом не вижу ничего страшного. Иногда дополнительные прямые контакты могут помочь сдвинуть дело с “мертвой” точки. Если такое произойдет, я это буду только приветствовать.

Вопрос: Разрешите вернуться к теме Ближнего Востока. Тем не менее, ХАМАС не собирается признавать Израиль и вообще не признает “дорожную карту”, т.к. считает ее “мертвой”. Так что ситуация находится в тупике. Есть ли у России какие-то новые идеи, чтобы выйти из него?

Ваша оценка ситуации в Ливане, тем более сейчас там идет внутренний диалог, особенно по острым вопросам, таким как поставки оружия “Хизбалле”, “фермы Шебаа”, талибано-семитские отношения на фоне резолюции 1559 СБ ООН?

С.В. Лавров: Я не могу согласиться с тем, что “дорожная карта” мертва. Прошло слишком мало времени с тех пор, как реальная работа с ХАМАС началась. Ее ведем не только мы. Ее ведут многие арабские столицы, ЛАГ. Повторяю, требуется какое-то время, чтобы ХАМАС в полной мере осознал свою ответственность в своем новом качестве. Думаю, что население Палестины ждет именно этого. Не забудем, что “дорожная карта”, когда она была только разработана “квartetом”, получала самые разные характеристики, в том числе что она была мертва с момента утверждения. Тогда такие заявления звучали не со стороны палестинцев, и не со стороны арабов. Через много месяцев СБ ООН все-таки утвердил этот документ. Теперь он часть международно-правовой законности. Он обрел совершенно другой статус. Убежден, что руководство ХАМАС внимательно ознакомится с этим документом, проведя необходимые консультации с Абу Мазеном, с другими палестинцами, которые были вовлечены в процесс консультаций при согласовании “дорожной карты”, которые знают ее историю и знают позицию ООН в отношении “дорожной карты”. Убежден, что ситуация далеко не безнадежна. “Дорожная карта” – путь к справедливому урегулированию палестинской проблемы, наиболее острой, наиболее застарелой, наиболее взрывоопасной проблемы современного мира. Рассчитываем, что слухи о ее смерти сильно преувеличены.

Что касается Ливана, то мы весьма озабочены, что ливанскому обществу пока никак не удастся наладить внутреннее согласие. Приветствуем инициативы о начале внутриливанского диалога, который, как я понимаю, находится еще на начальной стадии, но который является единственным путем урегулирования внутриливанских проблем.

Вчера на переговорах с Министром иностранных дел Сирии В.Муаллемом мы обсуждали этот вопрос. Я почувствовал искреннюю заинтересованность В.Муаллема содействовать тому, чтобы этот внутриливанский диалог развивался нормально, почувствовал готовность сирийской стороны полностью нормализовать отношения с Ливаном, включая обмен посольствами и демаркацию границ. Разумеется, и я с этим не могу не согласиться, Сирия исходит из того, что начинать демаркацию границы

нужно с северной ее части, потому что начинать с района “ферм Шебаа”, наверное, нереально, учитывая слишком много сложностей, с которыми сопряжена вся проблема этих “ферм”. Мы обсуждали эту тему и в Нью-Йорке с Генеральным секретарем ООН К.Аннаном, и позавчера в Москве с его Специальным представителем Т.Ларсеном, который весьма опытный человек в ближневосточных делах, и с Х.Соланой. Мы убеждены, что эту проблему нужно решать и решать ее нужно в конечном итоге на основе прямой договоренности между Сирией и Ливаном. Надеюсь, что именно так оно и будет. Но пока, по моему личному мнению, время для этого еще не пришло, хотя откладывать ее в долгий ящик было бы нежелательно.

Насчет поставок оружия “Хизбалле”, мы будем готовы самым серьезным образом рассматривать любые конкретные факты таких поставок. Периодически возникают заявления о том, что такие поставки осуществляются. В ряде случаев они не подтверждаются фактами и слова просто остаются словами. Мы не можем действовать на такой основе и не можем использовать свои возможности, чтобы вместе с другими членами “квартета” урегулировать проблему, если мы не имеем конкретных фактов. В ряде случаев, как это было недавно, речь шла о поставках вооружений с согласия ливанской армии. В таких ситуациях мы также едва ли можем чем-то помочь. Но мы будем стараться помогать пресекать незаконные поставки, если они задокументированы и если мы имеем конкретную информацию.

Вопрос: Имеет ли “Хизбалла” право иметь оружие?

С.В. Лавров: “Хизбалла”, кто бы что ни говорил и какие бы внешние факторы ни были сопряжены с феноменом “Хизбаллы”, это все-таки феномен ливанский. “Хизбалла” коренится в кругу ливанских шиитов. Решать ее проблемы должны сами ливанцы. Чем меньше будет внешнего вмешательства, тем проще это будет делать, но это внутриливанская проблема. В значительной степени урегулирование статуса “Хизбаллы” в ливанском обществе поможет решению проблемы “ферм Шебаа”.

Вопрос: Насколько влияет ваша политика по отношению к Ближнему Востоку, по отношению к ХАМАС и Ирану на ваши взаимоотношения с США?

С.В. Лавров: Наши действия в отношении ХАМАС, палестинской проблемы, палестино-израильского конфликта, наши отношения с Израилем, с ПНА, с Сирией, с Ливаном, с Египтом, со всеми странами регионами, с Иорданией, с ЛАГ, со всеми, кто так или иначе вовлечен в усилия по урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке, абсолютно транспарентны в том плане, что мы не ведем никаких закрытых игр. Мы действуем, прежде всего, на основе имеющихся коллективных договоренностей в виде резолюций СБ ООН, в виде решений “квартета” международных посредников. Нам абсолютно нечего скрывать от кого бы то ни было. Если мы убеждены, что для реализации имеющихся коллективных договоренностей, для попытки спасти палестино-израильский мирный процесс крайне важно доносить точку зрения “квартета” до ХАМАС, то мы это делаем открыто и об этом рассказываем. Мы не поддерживаем тайных, скрытых контактов ни с ХАМАС, ни с “братьями-мусульманами”. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

Что касается того, насколько эти действия нравятся или не нравятся нашим партнерам по “квартету”, то я не думаю, что наши мотивы им не понятны. Мы об этих мотивах

говорим, мы говорим о результатах наших контактов. По итогам посещения Москвы делегацией ХАМАС мы пробрифинговали всех наших коллег по “квартету”. Вчера и сегодня я рассказал всем им также о том, как прошли здесь переговоры с Министром иностранных дел Сирии В.Муаллемом. Мы только приветствуем, когда кто-то из членов “квартета” берет на себя инициативу по продвижению общих позиций. Чаще других, кстати, это делают США, благодаря усилиям которых и лично К.Райс, удалось в прошлом и позапрошлом годах урегулировать не одну очень острую ситуацию, включая, кстати сказать, ситуацию в Иерихоне. Она была урегулирована и была согласована схема, которая, к сожалению, вчера развалилась. Но в то же время по целому ряду других инцидентов США и лично Государственный секретарь США К.Райс, а до нее и К.Пауэлл, брали на себя основную тяжесть усилий с тем, чтобы не допускать подрыва решений “квартета”. Точно так же в целом ряде других критических этапов в ближневосточном урегулировании заглавную роль брал на себя ЕС. Мы тоже это только приветствовали. Поэтому я рассчитываю, что наши понятные, честные, открытые усилия будут также восприняты нашими партнерами.

Вопрос: Насколько влияют взаимоотношения с США на ситуацию в регионе?

С.В. Лавров: Для нас каждый вектор нашей внешней политики самоценен. Мы не рассматриваем нашу многовекторность как игру с “нулевым” результатом. Дескать, что-то мы с кем то обсудили, о чем-то договорились, и это будет направлено против кого-то еще. Современный мир таков, а Ближний Восток тем более, что без коллективных усилий ничего сделать нельзя. Коллективные усилия предполагают совместную выработку позиции, которая не может допускать крайностей ни в одну, ни в другую сторону, которая не может однозначно утверждать: “в этом кризисе вот виновник, а вот жертва”. Такого просто не бывает, тем более такую позицию невозможно занимать в политике. Нужны компромиссы, которые безусловно не подрывают основ международного права, но учитывают законные интересы каждой из сторон. Есть такая дипломатическая, или политическая, поговорка, что “устойчивое урегулирование – такое урегулирование, которым ни одна, ни другая сторона не довольна до конца”. То есть должно быть чувство недовольства, но не может быть устойчивым урегулирование, которое одна сторона объявляет своей стопроцентной победой, а другая своим стопроцентным поражением. Так, к сожалению, может случиться в Косово. Это отдельная тема. Не будем в нее внедряться. Поэтому все, что мы вырабатываем в рамках “квартета” вместе с США, ЕС, ООН - компромисс, но компромисс, который, по моему убеждению, призван продвигать дело урегулирования вперед. Убежден, что это коллективное творчество может только выиграть, если мы, члены “квартета”, будем больше советоваться со странами региона, в частности, с Египтом и Иорданией. Это две страны, которые весьма активны в поисках развязок различных конфликтов, обострений палестино-израильской ситуации и которые заинтересованы в том, чтобы сотрудничать с “квартетом”.

Я и Россия в целом выступаем за то, чтобы, помимо продолжения деятельности “квартета”, найти формы, которые позволили бы в частности Египту, Иордании, возможно, Генеральному секретарю ЛАГ не просто сотрудничать с “квартетом”, а участвовать в выработке позиций, которые обсуждает “квартет”.

Вопрос: В чем заключается разница между экспортом демократии и советской идеологии?

С.В. Лавров: Действительно в СССР была идеология и была политика. Частью этой политики был экспорт идеологии. Мы прекрасно знаем, сколько это стоит, сколько сил это отнимает и чем это заканчивается, если кто-то пытается сделать кого-то счастливым помимо его воли. Перемены должны созреть. Я убежден, что все мы и весь мир движемся в одном и том же направлении. Это – демократия, которая у каждой страны будет иметь свое собственное лицо, потому что у нас разные истории, культуры и цивилизации, пути рынка и рыночных отношений, но рынка цивилизованного, а не того рынка, через который прошла в первые годы развала современная Россия и который мы сейчас с огромным трудом пытаемся привести в божеский вид, а рынка, где будут справедливые правила, честная конкуренция и где экономические рычаги не будут использоваться для достижения политических целей. Движемся мы все в этом направлении. Но стремиться всех подстроить под одну скорость, а тем более под одну модель, будь это демократия или рынок, нереально и невозможно. Поэтому усилия, которые тратятся, чтобы искусственно форсировать этот процесс, затрачены зря. Надеюсь, что хорошим примером является та работа, которая была проделана в “восьмерке” в отношении Большого Ближнего Востока, когда в конечном итоге идея продвижения демократических преобразований была обсуждена со странами региона. Когда у этих стран спросили, “вам нужна помощь?”, они ответили: “Да, мы не откажемся. Но формы, объемы, направления помощи мы сами для себя определим”. В итоге получилась, по-моему, неплохая концепция расширенного Большого Ближнего Востока и Северной Африки, которая стала совместным проектом “восьмерки” и стран региона. Мне очень приятно, что в этом году Россия в качестве председателя “Группы восьми” будем вместе с Иорданией сопредседательствовать на 3-й сессии “Форума для будущего”.

Вопрос: Знали ли в России о решении американцев и британцев покинуть Иерихон? Есть ли международно-правовые основания заставить палестинских заключенных покинуть территорию ПНА или, по крайней мере, поставить их под международное наблюдение?

С.В. Лавров: На первый вопрос ответ отрицательный. Мы не знали о намерении американских и британских наблюдателей покинуть Иерихон.

Насчет международно-правовых оснований, я не эксперт по соглашению 2002 года. Наверное, те, кто это соглашение разрабатывал и те, кто договаривался о механизме его осуществления, должны вам помочь удовлетворить любопытство. Но подчеркну, что все те, кто вовлечен в нынешнюю ситуацию, конечно, обязаны проявить максимум выдержки и ответственности.

Вопрос: Сейчас существуют большие опасения в отношении Ирака. Почему чувствуется, что Россия действительно не играет никакой роли в Ираке?

С.В. Лавров: Вы хотите, чтобы мы в Ираке наводили порядок? Такое ощущение, что вы имеете в виду только военную ситуацию. Мы действительно не играем никакой роли в военной ситуации, и слава Богу. Мы играем роль в усилиях, которые призваны помочь обеспечить нормальную жизнь иракскому народу. Более сотни наших специалистов продолжают работать в Ираке. Многие уходили оттуда во время боевых действий, но многие оставались, обеспечивая своей работой под пулями и снарядами хоть какое-то электроснабжение районов этой страны. Сейчас наши компании

продолжают там работать в условиях большого риска, восстанавливая те объекты, которые были разрушены в период бомбардировок и обстрелов. Надеюсь, что мы сможем наблюдать улучшение нынешней ситуации в сфере безопасности, которая пока, к сожалению, деградирует. Уже все больше и больше не только журналистов, но и официальных лиц из тех государств, которые имеют свои контингенты в Ираке, называют ситуацию гражданской войной. Сами иракцы все чаще употребляют этот термин. Мы привержены нашим обязательствам помогать дружескому иракскому народу восстановить свою экономику. Там происходит трагедия. Надеюсь, что хотя та роль, которую наши компании и наши экономические специалисты там играют, незаметна, но о ней все-таки ваши читатели и слушатели узнают.

По поводу соседей Ирака, есть одна школа мысли, что во всем виноваты соседи. И боевики идут через соседей, и соседи пытаются удерживать ту или иную группу в Ираке от достижения договоренностей с другой группой. Мы говорим совсем о другом. Сразу после того, как было объявлено об окончании боевых действий чуть меньше двух лет назад и когда пошли разговоры о налаживании политического процесса, мы предложили, чтобы самым первым шагом было бы что-то вроде конференции, ядро которой составили бы иракские основные политические, этнические, религиозные силы, вместе с которыми собрались бы все соседи Ирака, ЛАГ, ОИК и члены СБ ООН, и чтобы соседи вместе с другими участниками побуждали бы иракцев договориться об основных параметрах процесса урегулирования. Я убежден, что если бы это было сделано, то политический процесс был бы гораздо более устойчивым. Это еще не поздно. Лучше поздно, чем никогда. Сейчас главным лозунгом в Ираке является национальное согласие – то, о чем мы говорили изначально. Лучше было бы, чтобы национальное согласие стало фундаментом урегулирования, но раз этого не произошло, то давайте хоть сейчас постараемся сформировать каким-то образом это национальное согласие. Опять-таки убежден, что сделать это лучше всего не через какие-то келейные переговоры, а пригласив все иракские основные силы и соседей Ирака, потому что каждый из соседей имеет свое влияние на те или иные конфессии и группы в Ираке. Все об этом знают. Так почему же надо удерживать соседей от позитивного влияния, одновременно обвиняя их во влиянии негативном? Думаю, что идея новой встречи по типу встречи в Шарм-аш-Шейхе, по типу той встречи, которая состоялась недавно в Каире с приглашением всех иракских групп, всех соседей и членов СБ ООН, остается актуальной и, может быть, ее актуальность возрастает.

* * *

На сайте МИД России в разделе “Видео” (<http://www.mid.ru>) размещена видеозапись интервью.

20 марта 2006 года

